
Г. В. МАРКЕЛОВ

**В. И. Малышев и А. М. Панченко:
Первые экспедиции**

В мае 1934 г. студент Филологического факультета Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) Владимир Малышев прерывает обучение по состоянию здоровья (истощение, подозрение на туберкулез) и переезжает на два года в Боровск, где устраивается в местный краеведческий музей. Город Боровск, старинный старообрядческий центр, где в застенке Пафнутьева монастыря томился протопоп Аввакум, был определен не случайно. Однокурсники уже тогда по справедливости присвоили Малышеву прозвище Аввакум, ибо страстное увлечение Аввакумом стало для студента делом всей жизни. Летом 1934 г., заручившись, вероятно, бумагами от Боровского музея, Малышев впервые предпринимает изыскательскую поездку на Печору к «аввакумовым пенышкам». Целью научной поездки был поиск аввакумовских рукописей в районе Пустозерска. От этой точки начинается отсчет самобытного — малышевского — периода развития отечественной полевой археографии, начатого в 1901 г. по инициативе В. И. Срезневского и прерванного после революций.

Посещая впервые руины древнего острога, где был сожжен Аввакум «со товарищи», Малышев едва ли мог рассчитывать на существенные находки, но им двигали настойчивость, интуиция и вера в археографическую удачу. Книг и рукописей среди развалившихся изб не нашлось, но местные старожилы присоветовали молодому ученому подняться от Пустозерска вверх по реке Печоре, в район рек Цильмы и Пижмы, заселенных с XVI в. Позднее Малышев записывал: «Давняя мечта побывать на месте, где проходила кипучая литературная деятельность Аввакума, где так много ходило о нем преданий, соединилась у меня теперь с желанием обязательно поискать его сочинения. По преданию Аввакум перед казнью раздал все свои книги и рукописи народу. Собрание книг у него было большое. Но в 1934 г. мне удалось побывать лишь в одном Пустозерске и в селах вокруг него. Рукописного материала здесь почти не оказалось. В Пустозерске мне опять посоветовали, чтобы я съездил в с. Усть-Цильму и на Пижму».¹

¹ Полностью заметки В. И. Малышева публикуются ниже, в Приложении.

Такая поездка состоялась спустя три года, в 1937 г. Ленинградский Литературно-лингвистический институт, позднее Филологический факультет ЛГУ, командировал студента Владимира Малышева на Север для сбора устных преданий о протопопе Аввакуме и ознакомления с местными собраниями рукописей. Студент Малышев побывал в городах Архангельске, Вологде, Кирове, Великом Устюге, Сольвычегодске, Нарьян-Маре и в печорских селах Ижма, Усть-Цильма, Оксина и др. Малышеву тогда удалось осмотреть 23 книжных собрания и более 200 рукописей,² которые он обнаружил в домашних библиотеках усть-цилемских крестьян-старообрядцев. Спустя год Малышев снова побывал в Усть-Цильме и на Пижме. В отчетной статье, вышедшей спустя 11 лет, Малышев привел краткое описание более тридцати рукописей, приобретенных им на Печоре в 1938 г.³ Свои тогдашние студенческие находки Малышев определил в Рукописный Отдел БАН (19 рукописей XVI—XIX вв.), в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (8 рукописей XVIII в.) и в Библиотеку Филологического факультета ЛГУ (4 рукописи XVII—XVIII вв.). Позднее В. И. Малышев добился возвращения рукописей из университета в Пушкинский Дом, в Печорское собрание Древлехранилища. С этих находок, привезенных Малышевым в ленинградские книгохранилища, и возродилась академическая традиция археографических экспедиций, начался блистательный подвиг «неутомимого» Малышева.

Заметим, что первые успешные экспедиции за рукописными книгами В. И. Малышев совершил в дальнюю печорскую глухомань в 1937 и 1938-м гг. В эти памятные годы сталинских репрессий, когда ГУЛАГ креп и укоренялся на Севере, а Печорский край заселялся многочисленными лагерями, молодому ленинградскому ученому приходилось серьезно рисковать жизнью и проявлять подлинное мужество, чтобы добиться научной командировки в переполненные лагерями опасные районы. Автору этих строк в 1970—1980-е гг. доводилось в северных экспедициях проходить через заброшенные лагпункты и таежные лесоповалы. Навсегда запомнилось чувство смертной тоски при виде просевших бараков, покосившихся вышек и ржавой колючки на фоне кое-где оставшихся клочков кумачевых лозунгов о свободе с чистой совестью. И ведь легко было бы Малышеву попасть тогда в лагерь, да и сгинуть там: сажали и за тысячекратно меньшие вины, чем соби́рание «религиозных» (с точки зрения «органов») рукописных книг. Это обстоятельство в «малышевиане» еще не вполне осмыслено, но осмыслению подлежит, как важнейшее.

О подробностях тех первых экспедиций В. И. Малышева известно мало, поскольку в своих отчетных статьях автор сосредоточивался в основном на описаниях найденных материалов. Поэтому всякие новые сведения об этом интереснейшем — до пушкинодомском — периоде деятельности Владимира Ивановича представляются нам важными.

² Малышев В. И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 247—253.

³ Малышев В. И. Отчет о командировке в с. Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 469—480.

Будучи исключительно бережливым и аккуратным человеком, Малышев хранил у себя адреса собирателей и коллекционеров, сведения о рукописях, маршруты поисков и т. п. Тщательно оберегаемый, фонд этот Малышевым постоянно пополнялся. Самодельные записные книжки, экспедиционные тетради и блокноты, записи на обрывках газет, на карточках, на форзацных листах из неведомых книг, на полях машинописи и прочие случайные клочки и отрывки Малышев подбирал в папки и конверты. Так сложились тематические подборки: о псковских собирателях, о московских хранителях рукописей, материалы по Пустозерску, печорские материалы и т. п. Папками этими заполнены ящики письменного стола в мемориальном кабинете ученого в Древлехранилище Пушкинского Дома. В течение многих десятилетий Малышев собрал архив для истории нашей археографии чрезвычайно важный, а для иного «коллекционера» ценности необычайной и потому до поры до времени сокрытый.⁴ В адресах Малышева — вся география страны и зарубежья, сведения о том, где хранились рукописи и кем сберегались, а значит — косвенно — как велико было книжное наследие Древней Руси.

Особое место принадлежит папке Печорских материалов, ведь с них начиналась научная биография Малышева. Здесь среди прочего хранится несколько изрядно потрепанных листов, исписанных скорым почерком Владимира Ивановича.⁵ Листы грубовато сшиты суровой нитью, что свидетельствует о том, что ученый придавал им особое значение. Рукопись, которую назовем «Печорские заметки», датируется не ранее 1938 и не позднее 1939 г. По всей вероятности, перед нами черновик или набросок отчета о двух первых печорских экспедициях, предваряющий описание рукописных находок. В них содержится, пожалуй, первый анализ археографической ситуации на Печоре, сделанный тогда еще студентом Малышевым. По записям видно, как Малышев осмыслял и формулировал основные направления археографического поиска, особенности полевой работы в среде севернорусских старообрядцев и в частности — среди печорских стариков, к которым ученый относился с глубочайшей приязнью. Надо сказать, что и сами усть-цилемцы в большинстве своем сердечно принимали ленинградского собирателя, испытывали к нему уважение.⁶

«Печорским заметкам» Малышева присущи наблюдательность, объективная оценка ситуации, верность предвидения. Они являются ценнейшим свидетельством первого этапа малышевских изысканий, когда ученый начал формулировать принципы полевой археографии, которую мы называем «малышевской».

В те годы ученый не опубликовал свои первоначальные заметки, а детали археографических поисков стали появляться у Малышева только в по-

⁴ Данная часть архива В. И. Малышева находится в обработке.

⁵ В. И. Малышев. Печорские заметки. 1938—1939 гг. 7 л., 29 × 21 см. Перо, фиолетовые чернила, автограф В. И. Малышева. Листы в верхнем левом углу сшиты суровой ниткой и пронумерованы. Сохранились пронумерованные листы 2, 7, 12, 13, 14, 15 и фрагмент л. 16.

⁶ Маркелов Г. В. Письма усть-цилемских крестьян В. И. Малышеву // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар, гос. ун-т; Отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1997. С. 86—90.

слевоенных статьях. В них он сообщал о местных книжниках, указывал их адреса, описывал рукописи, пока еще остающиеся в сельских домах, давал конкретные рекомендации будущим археографам.

Любопытно, что в научных публикациях и статьях Малышева 1950-х гг. отразились особенности той специфической советской эпохи. В них встречаются удивительные пассажи, свойственные газетным столбцам. Например, в фундаментальном научном сборнике Малышев вставляет в статью о находках 1950 г. этикетный абзац: «Должен отметить высокую культуру мезенского населения, гостеприимный и общительный характер жителей. В каждом, даже отдаленном селе имеются радио, клуб, выписывается много газет и журналов. Новый социалистический строй жизни во всей полноте прочно вошел даже в некогда старообрядческие села, отличавшиеся консерватизмом и религиозной нетерпимостью. Отсюда и сознательное и самое доброжелательное отношение к работе собирателя со стороны местного населения. Пришлось бы помянуть много имен партийных и советских работников, учителей, работников связи, рыбаков и стариков-поморов, которым я обязан указаниями адресов и разными товарищескими советами».⁷

Еще пример: Малышеву потребовалось включить в статью 1955 г. о поисках рукописей в Усть-Цилемском районе следующий пассаж: «...Пижемский край в настоящее время включается в общественную и культурную жизнь всей страны. Шумят в каждом селении ветряки, приводящие в движение местные радиотрансляционные станции. Десятки радиомачт высятся над старинными домами пижемцев. Большинство жителей далекой окраины каждый день слышат голос столицы своей Родины. ... Современная техника прочно входит в быт пижемцев. ... Трудоемкие работы на некоторых колхозных фермах механизированы, введено автопоение. Прочно завоевали место в колхозном труде пилорамы. Поля и луга Пижмы оглашает гул огромных тракторов и мощных бульдозеров. Ряд колхозов имеет свои грузовые автомашины. По всей Пижме развернулось строительство больших колхозных скотных дворов».⁸ В советскую эпоху, не столь давнюю, подобные пассажи носили ритуальный характер. Малышев отлично понимал, что без них ни один редактор не принял бы тексты к печати. И его, В. И. Малышева, весьма специфическая деятельность могла навлечь подозрения в неояльности. Сейчас трудно представить оскорбительный и изматывающий прессинг со стороны целой армии бездельников, завистников и добровольных сексотов из всевозможных парткомов, райкомов, месткомов, компетентных органов. Унизительному идеологическому контролю подвергались тогда все, в том числе и «кадры советской науки». Не следует забывать, что малышевские изыскания прились и на годы (особенно 1949-й!) страшного разгрома, которому подверглись научные кадры Филологического факультета ЛГУ и Пушкинского Дома, когда была фактически уничтожена ленинградская научная школа литературоведения⁹

⁷ Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 365.

⁸ Малышев В. И. Пижемская рукописная старина: (Отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 464.

⁹ Дружинин П. А. Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1—2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

и под жесточайший огонь «большевистской критики» вполне мог попасть подозрительный археограф Малышев, собирающий «церковные книги». В. И. Малышеву жизненно важно было учитывать также местные обстоятельства, ибо существовали еще и местные сельские начальники со своими опасениями и предрассудками. Кроме того, были еще и местные старообрядческие авторитеты, и интересы всех Малышеву надо было учесть, проявляя и такт, и чутье, и прозорливость одновременно.

Война на долгие пять лет прервала экспедиционную деятельность ученого, но даже и в период фронтовых испытаний Малышев продолжал успешно разыскивать древнерусские рукописи.¹⁰ Вернувшись в 1946 г. к прежним своим занятиям, Малышев во второй половине 40-х и первой половине 50-х гг. продолжал набирать драгоценный печорский опыт. В археографических экспедициях тех лет оттачивались приемы и методика собирания рукописей в полевых условиях. С 1947 г., став сотрудником Пушкинского Дома, Малышев сосредоточил усилия на формировании древнерусских рукописных фондов в ИРЛИ, где ученым было положено начало территориальным собраниям, позднее разросшимся до ныне многотысячного Древлехранилища. Методика и опыт В. И. Малышева многократно и успешно был использован в научных экспедициях Пушкинского Дома, а также ряда других дочерних археографических центров.

В 1950-х гг. В. И. Малышев начал подыскивать молодые кадры для будущей археографической работы. Его выбор пал на Александра Панченко, студента филологического факультета ЛГУ. Отец Александра, М. А. Панченко, был научным сотрудником ИРЛИ и погиб на фронте, мать, Н. Т. Панченко, работала рядом с В. И. Малышевым в Рукописном отделе Пушкинского Дома, Д. С. Лихачев пригласил Александра в Пушкинский Дом посещать заседания Сектора древнерусской литературы. Летом 1956 года В. И. Малышев предложил юному Александру Панченко принять участие в экспедиции на Печору: Малышеву нужно было проверить кандидата «в деле». Экспедиция оказалась исключительно результативной, участниками поездки было собрано 95 рукописей XVI—XIX вв., поступивших в Печорское собрание Пушкинского Дома.¹¹ Словом, выбор Малышева полностью оправдался.

В Печорской папке В. И. Малышева сохранилась школьная тетрадка, заполненная скорым почерком А. М. Панченко.¹² В тетради автор, используя ежедневные черновые записи, описал весь ход своей первой археографической экспедиции на Печору в 1956 году. Текст был составлен уже в самом конце поездки по настоянию, надо думать, самого В. И. Малышева.¹³ В начале тетради Панченко замечает: «Когда я выезжал из Ленинграда, я намеревался делать ежедневные или не ежедневные записи, относящиеся

¹⁰ Маркелов Г. В. В. И. Малышев. Переписка (1941—1945 гг.) // «Верили в победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.; Изд-во Пушкинского Дома, 2015. С. 100—121.

¹¹ Малышев В. И. Отчет о командировке на Печору в 1956 году // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 398—408.

¹² Экспедиционный дневник. 1956 г., июнь. Школьная тетрадь, 16 с. Гражданская скоропись, автограф А. М. Панченко.

¹³ Полный текст дневника А. М. Панченко воспроизводится ниже, в Приложении 2.

прямо или косвенно к нашей работе — заметки, которые помогли бы мне в будущем в самостоятельной поездке, которая планируется весной-летом будущего года в верховья Печоры или в другие места (это будет определено позднее). Так как я не выполнил своего намерения, то, думается мне, полезно будет изложить более или менее связно и подробно свои впечатления от поездки и то, чему я научился от Владимира Ивановича — сведения, которые и могут только обеспечить успех экспедиции следующего года».

Большинство записей в тетрадке сделано по живым и подчас острым первым впечатлениям ленинградского студента, впервые оказавшегося в археографической экспедиции в Печорской глубинке. Заметки Панченко носят глубоко личный характер, ведь они составлялись не для публикации, но для того, чтобы сохранить в памяти яркие и непривычные образы, поэтому автор предстает не всегда беспристрастным и последовательным. При этом Александр Панченко демонстрирует в описаниях верность деталей и наблюдательность, остроту ума и неллицеприятность, особенно свойственную ему и памятную нам. Многие записи лиричны, взволнованный автор впечатлен не только природными пейзажами, но и особенностями быта местных обитателей: «Новожилово — это очень красиво расположенная деревня. Пижма здесь неширока и мелка, но прозрачная вода придает особый колорит местности. Берега от Верховской до Новожиловской красоты неопишуемой. Эти дивные места, по словам Владимира Ивановича, напоминают Чусовую и Каму, только гораздо суровее. Часто по берегам попадаются скалы, напоминающие древние замки с бойницами, и на самом верху кресты: это местные ребята поставили их там. Кстати: детей здесь очень много, совершенно обычное явление — у женщины семь-шесть детей. Имена, как правило, даются по святцам: нам приходилось встречать Мардария, которому не было и 6 лет, и Нифонта немногим старше».

Записи в дневнике Панченко лапидарны, эмоциональны и точны; особенно выразительны характеристики встречавшихся в экспедиции людей. Многие из нас помнят, как в гневе бывал порой резковат Александр Михайлович, особенно встречаясь с проявлениями чванства, глупости или бессовестности. Немало резкостей, свойственных молодому горожанину, василюстровскому студенту, найдется и в экспедиционной тетрадке Панченко. Но памятно и то, как бывал он порой добр и почти нежен в суждениях, когда заходила речь о стариках-староверах, прямых наследниках древнерусских книжников. Это почтительнейшее чувство Панченко впервые испытал во время поездки с Малышевым и сохранил на всю жизнь. Вот несколько строк из его тетрадки: «В Замежном есть еще несколько стариков-начетчиков, они устроили нам трогательные проводы. 86-летний Тимофей Михайлович Мяндин со своим правнуком сам перевез нас через Пижму. Старики махали нам платками очень долго. О Тимофее Михайловиче Мяндине следует написать чуточку поподробнее. Это высокий сухощавый старик с длинной седой бородой и удивительно умным лицом. Он самый культурный и грамотный наставник на Пижме. Семь лет ему пришлось побыть в неволе, но он гордо, чисто по-аввакумовски, нес свой крест — страдалец за веру. ...Вчера мы с Владимиром Ивановичем говорили, что не худо было бы написать его портрет, но в настоящих условиях это невозможно. Тимофей Михайлович отдал нам Цветную Триодь начала XVII века и попросил вы-

слать взамен праздничную Минею. Несмотря на свои годы, он еще полностью сохранил интерес к старине, <...> сам списывал рукописи и самым древним способом — на колене, так, как это изображено в Остромировом Евангелии».

Особый интерес в тетрадке вызывают маргинальные приписки, выполненные автором¹⁴ спустя какое-то время после поездки. Замечания к тексту носят характер редакторских, сделаны весьма к месту, хотя также порой резковаты, что свидетельствует о весьма критическом отношении автора к своим первоначальным впечатлениям.

Тетрадку с записками Александра Панченко В. И. Малышев в Печорской папке заботливо сохранил, как хранил он все, что имело отношение к любимой Печоре, хотя в тетрадке Панченко и не содержалось ничего, что не было бы известно самому Малышеву. Раз сохранил, значит, счел полезным для дела. В последующие годы Панченко с разными спутниками совершил немало поездок, принеся не только новые археографические находки, но и обогативших ученого ценнейшими впечатлениями. О совместных поездках на Пинегу и Мезень проникновенно рассказал А. Х. Горфункель,¹⁵ поделившийся воспоминаниями о практическом применении А. М. Панченко малышевских уроков полевой археографии в 1960-х гг. В своих блистательных статьях, лекциях и выступлениях А. М. Панченко всегда находил повод воздать должное В. И. Малышеву, как учителю, как великому археографу и первооткрывателю. Экспедиция Панченко с Малышевым 1956 г. была первой и, несомненно, оказала влияние на важнейший выбор пути будущего академика.

В Приложениях публикуются статья В. И. Малышева и экспедиционный дневник А. М. Панченко.

¹⁴ Впрочем, существует предположение, что приписки сделаны неустановленным лицом.

¹⁵ Александр Михайлович Панченко в трех археографических экспедициях 1963 — 1965 гг. // Горфункель А. Труд науки и извороты шарлатанства: О ремесле историка. СПб., 2013. С. 101—115.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В. И. Малышев

«Материалы о рукописях на Печоре» (Печорские заметки)

(л. 2) (*Начало утрачено*). Директор¹ ...оленьсовхоза Александр Васильевич Сумароков показал мне 5 рукописных книг XVIII—XIX вв. Это были два старообрядческих полемических сборника, список жития Аввакума и Апокалипсис с большими раскладными иллюстрациями в красках. Сумароков сообщил мне, что приобрел все эти пять рукописей в с. Усть-Цильма, где «в каждом доме на чердаке лежат их десятками».

¹ Слово восстановлено по смыслу. Сокращения и черновые написания слов в тексте раскрыты, приписки на полях вставлены в текст по смыслу.

Давняя мечта побывать на месте, где проходила кипучая литературная деятельность Аввакума, где так много ходило о нем преданий, соединилась у меня теперь с желанием обязательно поискать его сочинения. По преданию Аввакум перед казнью раздал все свои книги и рукописи народу. Собрание книг у него было большое. Но в 1934 г. мне удалось побывать лишь в одном Пустозерске и селах вокруг него. Рукописного материала здесь почти не оказалось. В Пустозерске мне опять посоветовали, чтобы я съездил в село Усть-Цильму и на Пижму.

В 1937 году филфак сделал возможной для меня поездку на Север. Начал я в этот раз свое путешествие по Печоре с села Усть-Цильмы. Десятка рукописей в каждом доме не оказалось, но свыше 150 рукописей прошло через мои руки в одной лишь Усть-Цильме». (далее л. 3, 4, 5, 6 утрачены. — Г. М.)

(л. 7): ...В Усть-Цильме в рукописном сборнике нач. XVIII в. рядом с постановлением Стоглава о перстосложении и выписками по данному поводу из дониконовских книг и вопросами боярина Стрешнева к Паисию Лигариду оказалась повесть о самосожжении на Мезени в 1747 г., монашеский устав Нила Сорского.

Другой пример. Старичок в деревне Карпушевке показывал мне рукопись конца XVIII в. Среди многочисленных выдержек из сочинений Максима Грека, Палладия мниха, Федора Студийского, Никона Черногорца и т. д. в нем были вклеены два столбца первой четверти XVIII века из Пустозерского острогу: переписка о каком-то сидевшем здесь в заточении старообрядческом попе Нефедее из Костромы. Вторым столбцом была копия указа о присылке в Москву книг, отобранных у старообрядцев.

Повествовательный материал, как я уже сказал, встречается редко. Список повестей строго регламентирован. Это повести о соловецких страдальцах Семена Денисова, о табаке, мерзком зелии, хмеле, Прения дьякона Федора с Афонасием епископом Иконийским и немногие другие, тоже так или иначе стоящие к старообрядчеству» (далее из тетради утрачены листы 8, 9, 10, 11. — Г. М.)

(л. 12) «Для возможной будущей экспедиции — наиболее богатые районы рукописью следующие: по низовой Печоре — Усть-Цильма и прилегающие к ней села. Две трети описанных здесь книг падает именно на эти районы. В селениях по реке Пижме до Замежного в конце рукописный материал попадает реже, чем в Усть-Цильме, но рукописей здесь все же достаточно много. Вокруг Пустозерска книги встречаются совсем редко.

За книгой надо ехать зимой или ранней весной до начала рыбной ловли и полевых работ. Летом все взрослые на полях, в селе остаются лишь маленькие ребятишки, которые присматривают за домом. Старики и старухи на Печоре сильные, иной старухе за 80 перешло, а она и на пожню ходит и коров ездит пасти. Дорожные передвижения между селами на Печоре в зимнее время значительно длиннее и удобнее.

² На обороте л. 2 авторское добавление: «По командировке Филологического факультета Лен. гос. ун-та мне в 1937 и 1938 гг. удалось побывать в селениях низовой Печоры: селе Усть-Цильме, деревнях до села Замежного по реке Пижме, в Пустозерске и селах вокруг него. В этом краю...».

Теперь книгу приобрести легко. Если Н. Е. Ончуков, ездивший в 1901—1906-х годах на Печору, жаловался, что книгу ему не показывают, то сейчас не только показывают, но и охотно продают. Отношение со стороны старообрядцев к своей книге, как богодухновенной уже не то, как было 30—35 лет назад. Подумать!

Мне рассказывали, что одна старуха усть-цилемка, продавшая какому-то купцу с Чердыни в 1902 году старинное рукописное житие Николы, целое лето ходила к каждому пароходу и все (л. 13) ждала его встретить, чтобы вернуть ему деньги, ибо продала она Николу. Убедившись, что купец не приедет, старуха отдала деньги на свечи начетчику, а на себя наложила епитимью в 3000 поклонов. Теперь это с уст самих стариков звучит как признанный анекдот. Книги продают даже начетчики. Известный по всей Пижме начетчик Афанасий Осипович Чупров сам предложил мне купить у него Октай конца XVI века. Начетчик в селе Загрявочном, продав мне книги, обещал достать еще от своей сестры. «Она тоже не умеет по крюкам петь. Разделенные(?) они!» — сказал он. Начетчики Иван Дмитриевич Хозяинов в селе Гареве и Андрей Степанович Носов в селе Коровий Ручей, как только я предложил им за книги деньги, сразу же согласились их продать. Книги превратились в ненужный хлам, сами старообрядцы их не читают. Есть и другая причина, почему так легко продают книги: ни один из них не умеет теперь читать старинное письмо, а особенно скорописное. Да нет в этом и надобности. При случае же можно заглянуть в четкую разборчивую печатную книгу: старообрядческие типографии за 13 лет существования напечатали такое количество литературы, что оно вполне может удовлетворить потребность.

Но как ни легко продается книга, однако надо при осмотре и покупке соблюдать некоторые правила. С книгой надо обращаться почтительно, помня, что на книгу некоторые еще смотрят как на божественную (л. 14), никогда не следует класть ее на пол и перелистывать наотмашь. Здесь надо доказать, что вы так же уважаете книгу, как хозяин. Тогда он поймет, что книга, если продать, попадет в хорошие руки, и охотно на это согласится.

Книги следует искать у сельских грамотеев. Неграмотные обычно книги, доставшиеся им, отдают их умеющему читать. Придя в село поэтому первым делом надо обязательно узнать всех грамотных стариков и старух. Через них вы узнаете не только все книги на селе, но и многие из других сел, часто очень отдаленных. Старинная книга не жила на месте, она двигалась от одного грамотея к другому, из одной деревни в другую.

Покупка книг все-таки требует некоего подхода. Надо расположить к себе хозяина книги. Если это старик, то надо сказать, что вы были у такого-то и то смотрели его книги и купили. Имена надо выбирать самые известные по своей начитанности(?), хотя особой надобности в этом нет. На Печоре удивительное знакомство: старик старика знает за 100 верст. Если ж вы еще к этому прибавите, что Никанор Ермолаевич шлет вам поклон, — уже после этого будет к вам доверчивей. Вообще завоевать в селе доверие очень важно. Как важно доверие показывает следующий случай, произошедший в селе Коровий Ручей. Старик, к которому я пришел, долго говорил мне, что книг у него нет. (л. 15) В разговоре я вставил, что был у многих стариков, назвал их имена, указал книги, осмотренные там. Старик

после этого сказал: “Ты и у Никанора был?”, через несколько минут принес мне 4 рукописные книги. Но случаи *непоказа* книг не такие уже частые, встречаться же они еще могут.

От человека, поехавшего за книгой, требуется доля настойчивости. Сейчас, например, книги лежат в кладовых или на чердаках. Добейтесь, чтобы вам самим разрешили сходить туда и посмотреть. Особенно это нужно сделать, когда за книгами пошли молодые. Очень часто рукописные по сходству почерков они оставляют, а печатные приносят. В противном случае просите, что(бы) несли все книги, как старопечатные, так и рукописные. Это тем более необходимо сделать, когда хозяин скажет “Нужных книг больше нет!” “*Ненужные*” книги часто бывают лучше “*нужных*”.

Вообще верить хозяину, что у него одна книга, никогда не надо. Обязательно попросите, чтобы он свел вас в свой молельный уголок. Здесь в пыли вы найдете нередко книгу, о которой забыл и сам хозяин.

Последним мне хотелось сказать о цене рукописных книг. Она небольшая. У меня был один только случай, когда за сборник XVI века с меня спросили 30 рублей, но потом сошлись на 10. Притом старик этот попался бывалый, продававший еще в давнюю пору много книг чердынцам. (л. 16) Обычная цена 5–10 рублей. Сумевшему войти в доверие, нередко книги отдают бесплатно. В селе Федосейкове одна 80-летняя старушка, отдавая мне Цветник конца XVIII века, говорила: “Возьми, сынок, коли по нраву пришла. Глаза у меня худы, а сыновья по другому пути пошли, не нужна им книжка эта”».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

А. М. Панченко

Печора и ее истоки. На Печору за старыми книгами

(С.1): «Через сутки с небольшим кончится мое путешествие в Печорский край, останется лишь трое суток — на поезде до Ленинграда. Я единственный участник археографической экспедиции Сектора древней русской литературы Института литературы АН СССР, которая во главе с В. И. Малышевым была направлена в район Печоры для разыскания и приобретения древнерусских рукописей.¹

Когда я выезжал из Ленинграда я намеревался делать ежедневные (или не ежедневные) записи, относящиеся прямо или косвенно к нашей задаче — заметки, которые помогли бы мне в будущем в самостоятельной поездке, которая планируется весной — летом будущего года в верховья Печоры или в другие места (это будет определено позднее). Т<ак> к<ак> я не выполнил своего намерения, то, думается мне, полезно будет изложить более или менее связно и подробно свои впечатления от поездки и то, чему я научился от Вл. Ив. — практические сведения, которые и могут только обеспечить успех экспедиции следующего года.

¹ К строке приписано: «Записки были — беглые краткие».

Я постараюсь припомнить все, использовать те отрывочные² заметки, которые у меня имеются, для того чтобы воссоздать полную (конечно только (с. 2) односторонне³ полную) картину нашей работы.

Нынешнее старообрядческое население Пижмы и Цильмы (селения, расположенные на этих реках, мы посетили в этом году) — это потомки новгородцев и переселенцев более позднего времени — мезенцев, двинян и т. д.

В. И. впервые приехал в Усть-Цильму в 1937 году (а на Печору в 1934, двадцатитрехлетним студентом, тогда в низовья, к городу Пустозерску). К этому времени, либо, м<ожет> б<ыть>, немного к более раннему времени, — печорские старообрядцы-беспоповцы сохранили всю древнерусскую рукописную культуру, по крайней мере в том варианте, который относился собственно к Печоре. Из-за различных причин в 30-е годы не было организовано в широких размерах собирание древнерусских рукописей, и к послевоенному времени большая часть их погибла — много было сожжено, растащено и т. п. А между тем на Печоре, возможно, вращалась громадная часть древнерусских рукописей — до сих пор еще здесь помнят о пергаменных книгах (а это, по крайней мере XIV век, а то и более раннее время). В этом году например, Тимофей Михайлович Мяндин, 86-летний старец — наставник (с. 3) из с. Замезное, говорил о том, что в Скитской было «Евангелие на коже».

Одной из причин невнимания к печорской рукописной книге было заявление Н. Е. Ончукова, посетившего эти места в 900-х гг, что будто бы на Печоре рукописных книг не было и нет. Н. Е. Ончуков, приехав на Пижму, остановился у попа,⁴ вел себя совсем не так, как подобало — и естественно,⁵ что старообрядцы книг ему не показали. Вл. Ив. Малышев вывез с Печоры около 300 рукописей, среди которых есть очень ценные, редкие и неизвестные ранее произведения (в значительной степени продукт местного творчества — «Повесть о быке», «Плач по Москве», «Житие (автобиография) Ивана Акидиновича» и др. («Повесть о самосожжениях на Пижме», например).

Вывоз рукописных книг с Печоры подрывает самые основы старообрядческой культуры, которая, надо отметить, еще цепко держит в руках значительную часть печорского населения — так что и с этой стороны археографы делают нужное и полезное дело. Впрочем, некоторые старики-начетчики понимают это⁶ (Михаил Семенович Поздеев из Замезного, Василий Игнатьевич Лагеев из Усть-Цильмы).

Изъятие из активного обращения (с. 4) древнерусских рукописей необходимо и с научной стороны, и в целях общего прогресса Печорского края; этот край, право, очень отсталая область. Полное бездорожье затрудняет проникновение современной культуры.⁷ Мне приходилось бывать в дерев-

² К строке приписано: «Ср. выше».

³ К строке приписано: «Пояснить».

⁴ Над строкой приписано: «Неумело взялся за собирание».

⁵ Строка подчеркнута автором.

⁶ Позднее приписано: «Что именно и подрывает <нрзб> за другим».

⁷ Слово подчеркнуто автором.

нях, где нет ни одной книги, за исключением Псалтири и канонов, которые встречаются чуть не в каждом доме.⁸

В ночь с 12 на 13 июля мы прибыли в Усть-Цильму и на следующий день пошли «по рукописям». У Вас<илия> Игн<атьевича> Лагеева мы купили 10 рукописей; у него есть Великое зеркало к<онца> XVIII в. — от Татьяны Ивановны Поздеевой — бывшей хозяйки Вл. Ивановича Малышева. Если привезти ладану и свечей, то Вел. Зерцало можно заполучить. Адрес Лагеева: Набережная ул., 79.

В Усть-Цильме встречается еще значительное количество рукописей — м<ожет> б<ыть>, несколько сотен. Адреса:

У Марьи Ивановны у Рыбзавода в Усть-Цильме есть Лествица начала XIX века в очень хорошем сосотянии, в 4-ку, полууустав. Вл. Ив. Предлагал ей за книгу 25 рублей — не согласилась, но купить можно, пожалуй, и не давая больше 25 рублей (больше давать не следует).⁹

(с. 5) У Трифона Ивановича — Пролог I пол. XVII в., in folio, сентябрьско-февральский полугодовой, охотно обменяет. Адрес его знает Вас. Игн. Лагеев.

У Пелагеи Семеновны — около Леспромхоза — сборник XVIII века, полууустав и скоропись разных почерков, кажется, большая 8-ка. Старушка не уступает его ни в какую, но купить или стащить все же можно.¹⁰

У Татьяны Ивановны Поздеевой, Советская ул., д. 132, есть сборник начала XIX века, в 4-ку, поморский полууустав, в переплете того же времени. Содерж.: Житие Александра Шивенского,¹¹ Житие Меркурия Смоленского, Видение Тимофея, Цветник и др. Старушка эта разбита параличом, и грешно было бы лишить ее этой книги уже в нынешнем году, но на будущий год надо ее зачитать всеми способами, т<ак> к<ак> это рукопись ценная (можно дать 50 рублей, да она не продаст, нужно дать ей ладану и зачитать).¹²

У Карисьи¹³ Ивановны Тороповой, Советская ул., д. 80 — у той, у которой мы купили Торжественник с автографами выговских старцев (великолепная рукопись!), есть еще одна «говенная» рукопись в 8-ку, полууустав, содержания не помню, купить все же можно или выпросить¹⁴ просто так.

(с. 6) 14.06.56 г. мы вылетели самолетом в Скитскую — одну из самых старых деревень по Пижме. Здесь когда-то был большой Великопоженский скит, который перестал существовать после самосожжения старообрядцев, не захотевших подчиниться никонианской прелести — сие¹⁵ случилось, кажется,¹⁶ в 1744 году. Великопоженский скит существовал и после гари. На месте самосожжения сохранилось кладбище, — я его фотографировал — с покосившимися крестами (кресты, кажется, очень старые, некоторые из них уже повалились). В Скитской нас встречал Сидор Нилович Антонов

⁸ Приписка «Не так узко» зачеркнута.

⁹ Рядом приписано позднее: «Как-то иначе».

¹⁰ На поле приписано: «Не так борзо».

¹¹ Имеется в виду преподобный Александр Ошевенский.

¹² На поле против абзаца приписано: «В этом грешно, а в будущем не грешно?!».

¹³ Так имя написано в рукописи.

¹⁴ Слово подчеркнуто и поставлены знаки «? !».

¹⁵ Ниже слова «сие» проставлено: «неуместно».

¹⁶ Поверх слова приписано: «Надо точно».

с женой, местный наставник, «приятель»¹⁷ Владимира Ивановича. Рукописей здесь по счету купили 20, в том числе одна 16 века и несколько 17. Здесь мы нашли отрывок из челобитной Аввакума, возможно, его автограф, который остался в пижемских лесах вместе с планшеткой В. И. (записи, командировки), плащом его и седлом одной из лошадей.¹⁸

Сидор Нилович Антонов — это очень примитивный, довольно невежественный и вдобавок скуповатый человек 65 лет — этакий «мужичок» с хитринкой. Сам он бога обманывает очень охотно — сам себя оженил 2 ли — 3 ли года назад на нынешней жене; в первую неделю Великого поста; при нас «оскоромился» — выпил после Вознесенья (тогда «Уставом святых отец» было *показано* вино — и попойка была чудовищная) утром молока в постный день и т. п.

(с. 7) Вл. Ив. привез ему много всяких вещей: и пороху, и жилок, и галоши его жене, и еще хочет купить ружье.¹⁹ Кстати: лески и крючки могут служить здесь прекрасным разменным материалом — на них можно купить доверие и более реальных вещей, так что на будущий год этого товару взять с собой не мешает. Еще более высоко котируется ладан и свечи — и этого нужно достать любым путем — это пойдет уже в обмен на рукописи.

(Адрес старообрядческой общины поморцев беспоповского согласия: Коломенская ул., д.10-а)

В Скитской рукописи достались нам легко — Сидор Нилович отдал то, что у него было, безусловно — правда — это «говенные» в основном рукописи. У него на Умбе²⁰ осталось еще много. При проводах в Замежном он говорил: «Ну, теперь я со всеми ими решусь расстаться!»

Две рукописи, в т<ом> ч<исле> сочинения Аввакума, принес подвыпивший двоюродный брат Сидора Ниловича — Михаил Прокопьевич — еще не старый человек, который произвел на меня очень хорошее впечатление.²¹

(с. 8) Неделю мы провели в селах по верхней Пижме: в Верховской, Новожиловской, Левкинской — и почти безрезультатно — привезли оттуда только 3 рукописи (причем из ближнего села — Верховского)

Левкинская и особенно Новожиловская — это очень маленькие деревушки (Новожиловская состоит всего лишь из 5 домов), в которые почта доставляется только с оказией раз в месяц, а то и реже. Впрочем, жители прекрасно обходятся и без почты.²² В Новожиловской мы вынуждены долго — совсем не так, как было предусмотрено, — прожить у некоего Зотей Михайловича Михеева, который слывет на Пижме колдуном. По возвращении Сидор Нилович Антонов так нам и заявил, что «коней-де у вас отвел Зотей; вот над какими людьми стал шутики шутить!». Этого же мнения придерживался и колхозный бригадир. Темнота непробиваемая!

¹⁷ Над словом приписано: «Старый знакомый».

¹⁸ Позднее приписано: «Об этом поподробнее».

¹⁹ На поле приписано: «Не так в лоб!».

²⁰ Умба — отдаленный приток реки Пижмы.

²¹ Внизу листа приписано: «Сказать, что сужается круг “оборота” рукописей, молодежи не читает, постепенно рушатся традиции».

²² Фраза вставлена автором в строку. Рядом приписано: «Зачем это?».

Живут люди в Новожиловской очень странно: ничего не делают, пьют очень часто и помногу, и женщины пьют не менее чем мужчины. Водки здесь нет, она замерзает зимой. Зато спирта раскупают очень много и пьют, разводя его чаем или просто водой, впрочем, предпочитают чай. Еда ужасная:²³ соленая рыба и чай. И так всю жизнь. Зимой, правда, бывает еще мясо — местные охотятся на лосей, хоть их и не разрешают бить. Мне довелось попробовать лосины в Левкинской, куда я (с. 9) ходил пешком (25 км). Это красное и неплохое мясо. Тот лось, которого я ел, был удушен петлей, а у стреляных, говорят, мясо белое, что твоя говядина.

Новожилово — это очень красиво расположенная деревенька. Пижма тут неширока и мелка, но прозрачная вода придает особый колорит местности. Берега от Верховской до Новожиловской — красоты неопишуемой. Эти дикие места, по словам Вл. Ив., напоминают Чусовую и Каму, только гораздо суровее. Часто по берегам стоят²⁴ скалы, напоминающие древние замки с бойницами, и на самом верху кресты: это местные ребята поставили их там. Кстати: детей здесь очень много; совершенно обычное явление — у женщины семь-шесть детей. Имена, как правило, даются по святам: нам приходилось встречать Мардария, которому не было и 6 лет, и Нифонта немногим старше. В Левшинской я видел в колыбели Лукерью. К вопросам семьи и брака относятся с удивительной легкостью. Почти все женщины, с которыми приходилось разговаривать, имели по несколько мужей.²⁵

В Левкинской я останавливался у некоей Нат. Ив. Поташовой — у нее было несколько книг горбуновской печати. Геолог Шандалов, наш ленинградец, поведал²⁶ мне,²⁷ что (с. 10) ее трое детей имеют разные отчества.²⁸ Я подивился красоте их — обычно народ здесь некрасивый. Оказалось, что здесь над улучшением породы потрудились несколько участников геологических экспедиций.

Теперь о том, как здесь пьют женщины: в Чуркинской мы встретили старушку лет 80-ти, которая пьет неразбавленный спирт. В Усть-Цильме нам рассказали о смерти перепившейся семидесятичетырехлетней старухи — давней знакомой Владимира Ивановича.

В Скитской мы опять остановились у Сидора Ниловича, а утром отправились в Степановскую — большую деревню за 4 км от Скитской; оттуда мы ходили в Никоновскую и Чуркинскую — все это очень близко.

В Чуркинской у Дмитрия Федоровича Чуркина нам довелось видеть службу в старообрядческой моленной; я даже щелкнул ее три раза, но было темно и вряд ли что-нибудь получится.²⁹ Это выглядело так: один старик — Дм<итрий> Фед<орович> — исполнял главную роль, а несколько старушек стройно ему подпевали. Всего там едва ли было человек десять. Дм<итрий> Фед<орович> немного смутился от нашего присутствия и запел не

²³ Над строкой исправлено: «Однообразная».

²⁴ Позднее над словом написано: «Попадают».

²⁵ Позднее вставлено: «Переход».

²⁶ Исправлено позднее: «Рассказал».

²⁷ Внизу приписано «Можно сказать, что встретились с геологами».

²⁸ Рядом приписано: «Это отвратительно, как ты можешь так писать. Это для анекдота!».

²⁹ Сверху приписано: «И снимки не получились».

в лад. Но старушки принялись наперебой ободрять его, он воодушевился, и дело пошло хорошо.

В прошлом году В. И. Малышев нашел у Чуркина только две рукописи: Повесть о самосожжении на Пижме — она лежала на гердаке дома, и хозяин о ней не помнил, — и Минею XVI века. Специально к нашему приезду Дм<итрий> Фед<орович> приготовил Евангелие XVI века — оно долго пролежало в земле и было сильно попорчено. Чтобы не обижать старика, мы взяли у него полусгнившие листочки.

В Замежном нам повезло больше — здесь мы купили несколько рукописей.³⁰

(с. 11) Дмитрий Федорович показал и продал нам несколько рукописей — Евангелие XVI века, совершенно испорченное, мы от него тоже взяли. Эта рукопись интересна тем, что он вырыл ее из земли.³¹

В Чуркинской мы встретили очень красивую женщину — сильную, добрую русскую красавицу. Такие лица встречаются редко. Но вот беда³² — она еще совсем молодая, а у нее уже пятеро детей. Это единственная³³ красивая пижемка, которую я видел.

В Степановской у Анания Фотеевича Бобрецова, слепого старика, но еще могучего, как старый дуб, мы приобрели его дневник за 1893—1899 годы. Он вел его в бытность матросом царской яхты «Полярная звезда». В печатном Прологе, который был куплен у него же для обмена на рукописи в Усть-Цильме, оказались его аттестаты с яхты и из экипажа — мы их присоединили к дневнику.

Лошадь, запряженная в тарантах (так здесь называют паршивую³⁴ четырехколесную телегу), довезла нас по грязной дороге (это была лучшая дорога на Пижме, не то лесной «тракт» из Новожиловской в Левшинскую, там грязь по колено, болота тянутся километрами) до Замежного. Это местный центр. Здесь сельсовет, клуб (он, правда, (с. 12) недавно сгорел по вине сына заведующего клубом), библиотека и т. д. Культура городская завернула сюда — но чисто внешне, кино здесь посещают очень немногие, книги читают тоже немногие. Хотя в очерке «На далекой Пижме», напечатанном в ухтинской газетке и перепечатанной в усть-цилемской «Печорской правде», пишется обратное, но это дело обстоит именно так. Да к тому же Замежное — в нем только и побывал корреспондент — это еще отнюдь не «далекая» Пижма — сюда летают рейсовые самолеты, так что добраться очень легко. Вот если бы этот борзописец побывал в Новожиловской, где нет ни одной книги (Псалтырь есть) — то что бы он написал?

В Загривной, расположенной в 5 верстах от Замежного, мы посетили потомков Клеона Мартыновича Носова, умершего в начале этого века богатого пижемца. У него была громадная библиотека, состоящая из старопечатных и рукописных книг. Часто приходится видеть на приобретенных в самых различных местах клеймо: «Клеон Мартынов Носов».

³⁰ Выделенный курсивом текст записан автором на отдельном листке, приложенном к с. 10 и пронумерованном как «10».

³¹ Рядом на поле приписано позднее: «Не так: одна из рукописей ее прежним владельцем была зарыта в землю. Д. Ф. нашел ее уже соверш<енно> испорченной».

³² Рядом приписано: «Ну и ну! Как же ты глуп!».

³³ Рядом помечено: «Это зря!».

³⁴ Сверху исправлено: «обычную».

В Замежном есть еще несколько стариков-начетчиков, они устроили нам трогательные проводы. 86-летний Тимофей Михайлович Мяндин со своим правнуком (с. 13) сам перевез нас на лодке через Пижму. Старики махали нам платками очень долго.³⁵

О Тимофее Михайловиче Мяндине следует написать чуточку поподробнее. Это высокий сухощавый старик с длинной седой бородой и удивительно умным лицом. *Оно так и светится.*³⁶ Он самый культурный и грамотный наставник на Пижме. Семь лет пришлось ему побыть в неволе, но он гордо, чисто по-аввакумовски нес свой крест — страдалец за веру. Он, конечно, не чета всяким Сидорам Нилычам. Это человек сильный. Вчера мы с В<ладимиром> И<вановичем> говорили, что не худо было бы написать его портрет, но в настоящих условиях это невозможно. Тимофей Михайлович отдал нам Цветную Триодь начала XVII века и попросил выслать взамен праздничную Минею. Несмотря на свои годы,³⁷ он еще полностью сохранил интерес к старине. Он расспрашивал Вл. Ив. о местах, где печатались старообрядческие книги и об иных вещах. Он сам списывал рукописи и самым древним способом — на колене, так, как это изображено в Остромировом Евангелии. Образцы его почерка у нас есть.

Из Замежного мы опять вернулись в Усть-Цильму. Мне, признаться, тяжело³⁸ было покидать пижемцев. Их гостеприимство, хоть и подпорчено уже временем, производит (с. 14) очень хорошее впечатление.

На Цильме другое дело — тамошние людишки вызывали во мне прямо-таки ненависть.³⁹ *Мне много раз хотелось прибить какогонибудь.*⁴⁰ Все встречные на вопрос «Где можно остановиться в деревне Филипповской?» отвечали: «Не знаю» — это очень выводит из себя.

Цильма, хоть и близка еще к Пижме, на нее непохожа, это относится и к реке, и к берегам, и к жителям.⁴¹

Пижма река светлая, быстрая, берега у нее гористые, неровные, а Цильма шире, медленнее. Леса, ее окружающие, более напоминают мягкую среднерусскую природу. И несмотря на то, что пижемские старообрядцы и сильнее⁴² верой, *и сильнее убеждены*⁴³ и выше по знаниям цилемов (в смысле церковной грамоты) — эти куда невежественнее; нам часто приходилось слышать, что «Вы-де книги наверное бросаете где-нибудь?» — и с пеной у рта объяснять этим идиотам, что государство не стало бы для подобной бездельницы тратить тысячи.

В<ладимир> И<ванович> поручил мне приобрести один сборничек литературного содержания. Владелец его, еще молодой человек, никак не соглашался его ни продать, ни отдать. Я убеждал его, что читать этот сборник

³⁵ Приписано «А вы поднимались на самолете?».

³⁶ Выделенное курсивом зачеркнуто.

³⁷ Сверху приписано: «Странная оговорка».

³⁸ Сверху приписано: «Грустно, что ли?».

³⁹ Исправлено на «раздражение».

⁴⁰ Выделенные слова зачеркнуты.

⁴¹ Сбоку приписано: «Это хорошо, это тезис!».

⁴² Уточнение: «и крепче».

⁴³ Слова курсивом зачеркнуты.

он не будет⁴⁴ — он с этим охотно согласился, но заявил, что (с. 15) книжка, мол, «есть не просит, и потому пусть лежит у него». Я в конце концов его выпросил — перепечатать будто бы и прислать обратно. Но чорта я пришло этому негодяю!

С Цильмы мы привезли всего пять книг, а были в восьми деревнях — и эти пять достались нам с большим трудом. Впрочем, как я убедился,⁴⁵ на Цильме рукописей нет. И хорошо, что мы обследовали ее в нынешнем году, а то мне пришлось бы туда ехать с Э. Г. Зыковым⁴⁶ — и почти бесполезно. Однако В<ладимир> И<нович> советует слетать в Савино — далекую деревню (на Мыле — ?), вряд ли это стоит делать.⁴⁷ А вот в Рочево можно съездить на моторке. Необходимо также посетить Черногорскую — по Нерице это, в восемнадцати километрах от Замежного. Дорога туда ужасная, но в седлах с проводником доехать можно.

Мы намеревались побывать в Омелине — там во времена досельные был старообрядческий скит (верховья Цильмы), но трудности пути с одной стороны, и еще одно обстоятельство (мы видели привезенный оттуда одним из членов экспедиции 191 православный киот⁴⁸), заставили нас отказаться от этой поездки, хотя там есть книги — они валяются в каком-то худащем⁴⁹ (с. 16) строении. Начальник ленинградской экспедиции — Годован⁵⁰ — обещал обязательно прислать все книги эти в Ленинград».

⁴⁴ На поле помета рукой А. М. Панченко: «Откуда ты знаешь, что не будет! Это не аргумент, — твое мнение».

⁴⁵ Сверху приписано «Точь в точь как Ончуков».

⁴⁶ Зыков Энгельс Гаврилович (1934 — 1976) — советский ученый-медиевист и педагог, в описываемые годы был студентом ЛГУ.

⁴⁷ Подчеркнуто автором.

⁴⁸ Возможно, здесь подразумеваются иконы в киотах.

⁴⁹ Ниже приписано: «Но что это за книги, право слово, для широкого читателя не ясно, почему они не засл<уживают> вним<ания>».

⁵⁰ Годован С. А. — ленинградский ученый, геолог, участник и организатор геологических экспедиций в 1940 — 1950-е гг. в Предуралье и Якутии по разведке месторождений алмазов.